

В июле, приехав на Родину в деревню, каких много по берегу Обского водохранилища, и устав от дневных забот и жары, вечером решил прогуляться по берегу. Берег, до которого в детстве я бежал и бежал, сейчас подошёл уже к окoliце.

Июльская ночь немного ленилась прохладой, да и близость воды сохраняла вождельённую свежесть. В общем, хорошо!

Пошёл почему-то сразу на костерок, который тускловато искрил на берегу. У старого костровища, наверняка от бывшего костра, которые обычно жжёт молодежь, сидел дед Проня. Я его хорошо знал, и к тому же он был мне немного «какой-то» родней. Поздоровались по рукам.

– Сесть можно?

– Садись, каво придурысья... Огня не жалко.

Я сел и, закурив, задал в принципе простой вопрос.

– Ну, как дела, дед?

– А, как сажа бела.

– Чё так, пенсия мала? Или же скучно?

Дед посмотрел внимательно, достал кисет и, набивая самокрутку размером с палец, ответил:

– Покупные меня не берут, хотя и проще, а эти вот набивать руки ходют. Мене, пацан, восемьдесят с гаком. Да как этот три года. И бабки моей уже второй год нет. Не осилила меня, раньше свернулась. Ну я её чин чинарём спровадил и домовину сам ладил, как положено сурьёзную, и уголок на кладбище выторговал спокойный и с учётом на себя... А до бабки за два года кляча моя преставилась. Ей, почитай, годов за тридцать тоже было, а по-ихнему это, наверно, лет

сто, умные люди говорили. Жалко мне её было до сердечных болей. Так я её тоже похоронил по-хорошему, как заслужила.

– Как это? – Я немного обалдел, не понимая.

– Да как... погреб у меня начал обваливаться от старости, подладить некому, сам побоялся, завалит. Вот я её туда с соседом Саней и определил. Всё ничё, токо вот закапывал дня три, наверно. Зато и могила ей по заслугам и надпись на дощечке, как положено.

– А как написал-то, дед?

– Как, – он улыбнулся, – когда появилась день не помню, написал месяц и год, когда издохла, знаю – написал год, месяц и число. И ешо вместо ирунды всякой, просто: Ночка – хорошая лошадь.

Дед замолчал, немного пошмыгал носом и стал крутить ещё самокрутку.

– А дай тоже, дед.

Он протянул кисет с крупным самосадом и предупредил, улыбаясь:

– Гляди, дерзок.

Закурили. Самосад был действительно крут.

– Я ведь, пацан, местный. И появился ешо до этойой вот воды. И жили мы хорошо и крепкие деревни у нас были. Но кому-то там захотелось сделать водохранилище, и сделали. Может, и хорошо. А всётки плохо больше. Ведь сколько же лесов пожгли и покорчевали. Сколько деревень поутопили и сколько добрых земель. А погостов и кладбищ. Я, молодой, тоже могилы переносил. Но только те, кто недавно лежал. А старые так, заравнивали и всё. Грех... После видел и ходил по кладбищу, которое открывалось весной до большой воды и иногда осенью. Гробы уже пообмыло, и они торчали до половины, страх божий! И рыбы сколько поугробили. Она ведь метать икру ходила туда-сюда, а здесь хлоп и плотина.

А ей домой надо, домой, где она родилась. Как и человеку. Хотя вам это не понять, нет у вас родины.

Я хотел «обидеться», но понял, что говорил он то, что думал, и то, что накипело у него за долгую жизнь... Дед помолчал и продолжал...

— Ну ладно. Всяко бывает. Большое делать – малое уберечь. К коммунизму шли, не дошли. Но ведь сейчас та что творится? Берег, за мою току бытность на семьсот метров, а то и больше смыло. Ты, наверно, не помнишь, но берега в воду плавно уходили. Радостно было и чисто. Семьями на берегу собирались, гуляли, праздники справляли. А теперь подойти к берегу страшно, а до воды мне уже никогда не добраться. Спущусь под берег, а он высотой-то два-три метра – не вылезу. Но никому до этого дела нет. Грязью всё позакидано, свалки вокруг деревни появились. И даже у кого скот дохнет, не хоронят, а на свалки бросают. И всё это дождями и весенним половодьем смывается в водохранилище. Ладно, совхозы разорились, хозяев нет, но ведь море-то это общее с государством. Дах ты, государство, помоги, организуй помощь нам, настрой. Ведь делали эту беду мы вместе с тобой, дак не уходи в сторону...

Костёр остывал. Дед замолчал и, по-моему, засобирался.
— Пойду. А ты посиди, посиди. Бежите всё, торопитесь! Подумай, может, чё и придумаешь.

Он пошёл. Человек, который жил жизнь, уверенный, что всё правильно. Работал, рожал детей, строил дом. И сейчас задаётся вопросом, а правильно ли всё было, правильно ли он всё делал, то, к чему пришли, врагу не пожелаешь.

Но ведь можно что-то же исправить, хотя бы помаленьку, в отдельно взятом месте. Всем народом?!